

Милюков Павел Николаевич

**Россия на переломе.
Большевистский период русской
революции**

Том I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 **Павел Николаевич М.**
Россия на переломе. Большевистский период русской революции: Том I / Милуков Павел
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 424 с.

ISBN 978-5-519-96609-2

ISBN 978-5-519-96609-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нѣмецкое изданіе сдѣлало книгу доступной болѣе широкому кругу читателей; на нее появились и два русскіе отзыва — къ сожалѣнію слишкомъ поздно, чтобы я могъ принять ихъ во вниманіе. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ С. П. Мельгунову (въ “Голосъ Минувшаго на Чужой Сторонѣ”, № 4). Страстный тонъ, свойственный этому исторiku - публицисту, въ соединеніи съ тѣми политическими тенденціями, выразителемъ которыхъ онъ является въ послѣднее время, сильно помѣшали объективности его сужденій. Его цѣль — доказать, что въ своей книгѣ я — не историкъ, а политикъ, — притомъ политикъ, перемѣнившій позицію и пытающійся скрыть отъ читателя свое политическое прошлое. Я, дѣйствительно, не хотѣлъ занимать своей личностью читателя (даже въ той мѣрѣ, въ какой считалъ это необходимымъ для американцевъ) и, дѣйствительно, хотѣлъ стать выше временныхъ настроеній и мѣняющихся тактическихъ задачъ. Не мнѣ судить, въ какой степени мнѣ это удалось. Но критеріемъ удачи или неудачи служить соотвѣтствіе изложенія и выводовъ фактамъ, — а я все время старался говорить языкомъ фактовъ. Въ этой области С. П. Мельгуновъ смогъ указать только мелкія и второстепенныя “неточности”, которыя, если и признать ихъ таковыми, ровно ничего не мѣняютъ въ общей картинѣ.

Иной характеръ имѣетъ рецензія С. Н. Прокоповича (главнымъ образомъ на экономическую часть этого сочиненія: третій томъ русскаго изданія). Эта рецензія тоже довольно строга ко мнѣ; но за этого рода строгость я могу только быть благодаренъ. Не со всѣми замѣчаніями критика я могу согласиться; но во всякомъ случаѣ всѣ его компетентныя указанія и поправки будутъ приняты во вниманіе при пересмотрѣ матеріала третьяго тома.

Особенность русскаго изданія, кромѣ значительно расширенныхъ размѣровъ текста, потребовавшего, вмѣсто двухъ томовъ нѣмецкаго изданія, цѣлыхъ три тома, это — присоединеніе къ тексту подстрочныхъ ссылокъ на источники. Эта работа была довольно сложна, такъ какъ многіе источники, послужившіе мнѣ для текста 1922 г., не находятся болѣе подъ руками. Но я уже сказалъ, что отъ этого первоначальнаго текста въ настоящемъ изданіи почти ничего не осталось; настоящую работу, какъ и нѣмецкое изданіе, я вправѣ трак-

товать, какъ совершенно новое сочиненіе. Тѣмъ не менѣе, ссылки на источники и литературу иногда имѣютъ у меня значеніе оправданія или контроля того, что и независимо отъ нихъ было мной изложено по моимъ рукописнымъ записямъ или многочисленнымъ вырѣзкамъ изъ поврежденных изданій. Сюда относятся и нѣкоторые “неточности”, указанныя г. Мельгуновымъ и находящія оправданіе въ данныхъ указаннаго характера, которыя я не всегда могъ документировать подстрочными ссылками. Н е м о т и в и р о в а н н ы я “неточности” едва ли имѣются въ моей работѣ. Не слѣдуетъ также заключать изъ отсутствія указанія на тотъ или другой печатный источникъ, что онъ остался мнѣ неизвѣстенъ. Мои ссылки не претендуютъ на библиографическую полноту. Онѣ имѣютъ цѣлью лишь указать читателю на главное, что существуетъ въ литературѣ по затронутымъ въ книгѣ вопросамъ, или на то специальное, что послужило лично мнѣ для составленія изложенія. Извѣстнаго элемента случайности я при этомъ отрицать не могу. Съ упреками въ неполнотѣ заранее готовъ согласиться. Особенно сожалею я, что не могъ, по условіямъ работы, въ достаточной мѣрѣ использовать обширной совѣтской литературы, — хотя и прилагалъ къ этому усиленные старанія. По мѣсту работы мнѣ не были также доступны обильныя хранилища русскаго матеріала, относящагося къ описываемому періоду, накопленные въ Прагѣ; я могъ пользоваться лишь тѣмъ, что можно достать въ Парижѣ, — въ особенности въ богатомъ собраніи *Musée de la guerre* (въ Vincennes) хранителю восточнаго отдѣленія котораго, *M-r Lerat* приношу здѣсь мою искреннюю благодарность. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что и въ настоящемъ видѣ мои ссылки на источники и литературу сослужатъ службу читателямъ и будущимъ изслѣдователямъ.

Выпуская въ свѣтъ русское изданіе книги, я вновь повторяю — и этому своему заявленію я придаю особенное значеніе, — что хотѣлъ смотрѣть на событія глазами историка, а не политика. Если гдѣ-нибудь въ этихъ событіяхъ проявлялась моя личная роль (я вовсе не склоненъ ее преувеличивать), — и она, конечно, подлежитъ сужденію историка. И даже та переоцѣнка нѣкоторыхъ явленій, получившихъ болѣе объективное освѣщеніе въ свѣтѣ исторической перспек-

тивы, — въ которой не то обвиняеть, не то обличаетъ меня С. П. Мельгуновъ, должна была-бы свидѣтельствовать объ отсутствіи съ моей стороны той слѣпоты и приверженности къ личнымъ увлеченіямъ или заблужденіямъ, которыя мѣшаютъ серьезному историческому изслѣдованію. О томъ, что въ этихъ обличеніяхъ соотвѣтствуетъ и что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не мѣсто говорить здѣсь: объ этомъ лучше говорить тогда, когда придется писать личные мемуары. Но для нихъ — я продолжаю думать — время еще не наступило.

Парижъ, 10 января 1927 г.

Предисловіе

КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ основѣ этой книги лежить курсъ лекцій о “русской катастрофѣ”, прочтенный мною въ the Lowell Institute въ Бостонѣ (Массачусеттсѣ) по приглашенію администраціи этого почтеннаго учрежденія, въ октябрѣ и ноябрѣ 1921 года. Тогда же я переработалъ матеріалъ этихъ лекцій въ форму книги, которая появилась въ началѣ 1922 г. подъ названіемъ *Russia to-day and to-morrow*, въ изданіи фирмы Макмиллана. Я имѣлъ основаніе говорить тогда въ предисловіи къ этой книгѣ, что въ моментъ ея составленія завершился циклъ событій въ Россіи и передо мной былъ законченный періодъ исторіи. А именно, закончилось, въ извѣстномъ смыслѣ, и “бѣлое”, и “красное” движеніе въ Россіи. “Первое”, говорилъ я, “закончилось съ потерей послѣдняго клочка антибольшевистской территоріи “бѣлыми” въ Крыму. Послѣднее пришло къ опредѣленному концу въ великомъ русскомъ голодѣ 1921 г. Пораженіе ген. Врангеля ознаменовало собой вырожденіе “бѣлаго” движенія. Голодъ 1921 г. обнаружилъ истощеніе Россіи подъ большевистскимъ управленіемъ. Что бы ни случилось впредь, эти два явленія отмѣтятъ поворотный пунктъ въ исторіи русской революціи”.

Мнѣ и теперь не приходится мѣнять своей тогдашней оцѣнки. 1921 годъ дѣйствительно оказался поворотнымъ пунктомъ, и первое четырехлѣтіе большевистскаго господства стоитъ передъ нами въ законченномъ видѣ. Его характерныя черты стали теперь, по контрасту, еще яснѣе. Это — періодъ разрушенія и “грабежа награбленнаго”, по формулѣ Ленина, періодъ “военнаго” или “интегральнаго коммунизма”, какъ

— съ отѣикомъ пренебреженія — называютъ его теперь сами большевики, періодъ гражданской войны внутри и полной изоляціи совѣтской власти извнѣ. Но съ тѣхъ поръ прошло еще второе четырехлѣтіе, 1922 - 1925. Этотъ послѣдній періодъ еще нельзя назвать столь же законченнымъ, какъ первый. Но онъ, несомнѣнно, носитъ отличительныя черты, — и притомъ отчасти противоположныя первому. Дойдя въ своей попыткѣ создать натуральный обмѣнъ услугъ между государствомъ и подданными до полного истощенія всѣхъ старыхъ запасовъ и до экономического банкротства, которое грозило немедленнымъ крушеніемъ ихъ власти, большевики попытались выхлопотать себѣ отсрочку у исторіи, путемъ измѣны всѣмъ своимъ принципамъ. Они сдѣлали уступки, постепенно расширявшіяся, капиталистическому строю; и хотя они не провели этихъ уступокъ послѣдовательно, а все время возвращались назадъ, къ своимъ принципамъ, въ значительной степени парализуя послѣдствія важныхъ измѣненій, ими же допущенныхъ, тѣмъ не менѣе, необходимо признать, что періодъ голаго разрушенія и простого потребленія запасовъ, безъ всякаго новаго производства, кончился въ 1921 году.

Внутри Россіи начался конструктивный процессъ, — правда, не столько со стороны самого совѣтскаго правительства, сколько со стороны получившаго хоть маленькую возможность дышать населенія. Населеніе ободрилось и постепенно переходитъ отъ полной подавленности и отъ безпрекословнаго повиновенія терроризировавшей его власти къ коллективному сопротивленію, сперва пассивному, а потомъ и активному, — сперва на чисто экономической почвѣ, а потомъ и на политической.

Этотъ новый характеръ второго четырехлѣтія не засталъ меня врасплохъ. Я уже предвидѣлъ эту перемѣну, дѣлая характеристику первого закончившагося четырехлѣтія 1918-1921 г. г. Въ томъ же предисловіи я писалъ, что надо различать между отрицательной и положительной сторонами революціоннаго процесса, между его преходящими и временными фазами — и его постояннымъ внутреннимъ значеніемъ. “Рисуя разрушительную сторону революціи”, говорилъ я, “я не хотѣлъ бы, чтобы и конструктивная сторона революціи была упущена изъ виду. Мы присутствуемъ при рожденіи русской демократіи, среди развалинъ прошлаго, которое ни-

когда не вернется. Не слѣдуетъ проявлять нетерпѣнія по отношенію къ большому и сложному революціонному процессу, который въ другихъ странахъ требовалъ десятилѣтій, если не столѣтій, для своего завершенія”.

Я радъ констатировать, что ходъ событій подтвердилъ эту точку зрѣнія на ходъ русской революціи. Процессы, о которыхъ я говорилъ — и которые нелегко было замѣтить въ тѣ первые четыре года, стали теперь видны и для невооруженнаго взгляда. Послѣ мрачной картины сплошнаго разрушенія мы получили — если еще не мирную картину созиданія, то картину дѣятельной борьбы между созидательными и разрушительными началами, съ несомнѣннымъ перевѣсомъ на сторонѣ первыхъ. Совѣтская власть, какъ читатель увидитъ въ этой книгѣ, все еще цѣпляется за свои первоначальныя утопическія позиціи; и въ этомъ отношеніи остаются правы тѣ, кто не вѣрилъ и не вѣритъ въ возможность эволюціи совѣтской власти. Такъ же несправима оставалась до конца и пережившая себя власть старой монархіи — съ тѣмъ результатомъ, который мы всѣ знаемъ: съ крушеніемъ стараго строя въ острой революціонной формѣ. Но съ другой стороны, фактъ эволюціи на-лицо, и отрицать его больше нельзя. Эволюционируетъ въ Россіи сама жизнь, в о п р е к и успліямъ власти задержать ея теченіе.

Я не думаю, чтобы такую точку зрѣнія на событія, совершившіяся въ Россіи въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія, можно было назвать пристрастной или партійной, или, тѣмъ болѣе, примирительной по отношенію къ большевикамъ. Но я долженъ предупредить нѣмецкаго читателя, что далеко не всѣ русскіе раздѣляютъ ее и что въ эмигрантской русской средѣ она служитъ признакомъ опредѣленнаго политическаго направленія, именно республиканско - демократическаго, выразителемъ котораго я считаюсь. Другія теченія все еще цѣпляются за отжившіе методы “благаго движенія”. Они склонны считать русскій народъ “преступнымъ” и “грѣшнымъ” народомъ, а будущность Россіи или вовсе безнадежной или могущей быть исправленной лишь путемъ насильственнаго дѣйствія извнѣ Россіи со стороны самой эмиграціи. быть можетъ, вспомоществуемой тѣми или другими иностранными державами — или даже ихъ коалиціей. Прибавлю еще, что расчетъ на такой исходъ фактически связанъ съ

возможнымъ торжествомъ монархическихъ и классовыхъ землевладѣльческихъ тенденцій, раздѣляемыхъ большинствомъ русской эмиграціи, которая похожа въ этомъ отношеніи на эмиграцію всѣхъ революцій. Я лично и мои единомышленники — льщу себя увѣренностью, что число ихъ растетъ — заняли по отношенію къ этимъ прогнозамъ и перспективамъ рѣзко - отрицательную и политически - боевую позицію. Но, повторяю, я не считаю, что именно этой политической позиціей опредѣляется мой взглядъ на событія. Скорѣе наоборотъ, сама позиція опредѣлена моимъ взглядомъ, какъ историка. Историкъ, а не политикъ преобладаетъ въ этой книгѣ.

Послѣ всего сказаннаго естественно, что получивъ предложеніе моего издателя — дать книгу этого содержанія нѣмецкому читателю, — я рѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, чтобы совершенно переработать мою американскую книгу, подтвердивъ мой взглядъ на первое четырехлѣтіе совѣтской власти характеристикой второго. Какъ сказано, мнѣ не понадобилось измѣнять духа и направленія книги. Но самый текстъ сплошь пересмотрѣнъ и передѣланъ. При этомъ утилизированъ обширный матеріалъ, появившійся въ печати съ того времени и касающійся не только второго, но и перваго четырехлѣтія. Многія части прежней книги вновь составлены на основаніи этого новаго матеріала. Нечего и говорить, что въ книгѣ впервые появляется весь матеріалъ, характеризующій второе четырехлѣтіе. Въ результатѣ, несмотря на рядъ сокращеній и на то, что я совершенно опустилъ послѣднюю главу американской книги, не связанную съ ея основнымъ содержаніемъ, размѣры моей работы выросли почти вдвое. Книга такъ разрослась, что пришлось раздѣлить ее на два тома. Поэтому я считаю себя вправѣ смотреть на эту книгу, какъ на совершенно новое произведеніе, и даю ей иное заглавіе.

Отдавая мою работу на судъ читателя и критика, я хотѣлъ бы, чтобы ее судили не по количеству сообщаемыхъ въ ней фактовъ — это количество можно бы было увеличить до безконечности —, но по степени правильности выбора и сопоставленія этихъ фактовъ и степени ихъ доказательности для вытекающихъ изъ нихъ выводовъ. Быть можетъ, найдутъ, что для этой цѣли подобранныхъ мною фактовъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Въ свою защиту

скажу лишь, что мнѣ приходилось все время имѣть дѣло съ положеніями, продолжающими вызывать самые горячіе споры. Въ виду этого было особенно важно заставить говорить факты самимъ за себя — и въ этомъ искать доказательствъ объективности выводовъ. Тѣ, кто пойдетъ по тѣмъ же путямъ позднѣе, смогутъ пройти ихъ быстрѣе — или, наоборотъ, задержаться на темахъ отдѣльныхъ главъ, сдѣлавъ ихъ предметомъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ. Мнѣ, при теперешнемъ состояніи литературы предмета, приходилось соединять и то, и другое: доказательность и возможную общедоступность.

Я не присоединилъ библіографическаго списка по той причинѣ, что большая часть использованной мною литературы не имѣется на нѣмецкомъ и вообще на иностранныхъ языкахъ, а — только на русскомъ. Наиболѣе необходимыя ссылки на мои источники читатель найдетъ въ разныхъ мѣстахъ книги.

Парижъ, 10 іюля 1925 г.

